

КУКВА Елена Сергеевна — к.соц.н., ученый секретарь НИИ комплексных проблем, Адыгейский государственный университет (385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208; kukva@rambler.ru)

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ

Аннотация. В статье анализируется социокультурное пространство Северо-Кавказского региона. Одной из его ключевых проблем является взаимодействие традиционных и модернизационных трансформаций. Автор рассматривает их соотношение через призму социокультурных рисков. Идентификационные процессы как значимый компонент социокультурного пространства региона рассматриваются в контексте их возможностей к адаптации к социальным рискам. Одной из зримых перспектив их преодоления на Северном Кавказе является сохранение диалога на базе северокавказских и российских ценностей, укрепления российской идентичности.

Ключевые слова: социокультурное пространство, социокультурные риски, идентификационные процессы, Северный Кавказ

Социальные риски современного этапа развития Северного Кавказа

Общество риска в настоящее время все отчетливее приобретает черты всеобщности. Часто анализ рисков, в т.ч. социокультурных, актуализируется в условиях «переходности». Переходное общество характеризуется переходным характером всех элементов социальной системы от общества традиционного типа к современному, который порождает и противоречия в отношении восприятия социальных перемен. Это обуславливает как противоречивость социального риска в переходном обществе, так и отношение к нему в обществе [Яницкий 2014].

Одним из наиболее рискованных пространств современной России является Северный Кавказ. Предельная выраженность этнического и конфессионального разнообразия у населения Северо-Кавказского региона в условиях его осовременивания обостряет восприятие социокультурных рисков, которые несет в себе модернизация.

Мегариски, глобальные и собственно российские риски здесь дополняются конкретными, региональными. Среди них важное место занимают этнополитические риски, такие как экстремизм, терроризм, национализм, ксенофобия, радикализация молодежи [Астафурова 2012: 44; Авксентьев и др. 2014]. Одной из зримых перспектив их преодоления является сохранение диалога на базе северокавказских и российских ценностей, укрепления российской идентичности.

Иная категория рисков — социальные: социальная и территориальная дифференциация, снижение качества жизни, безработица, криминализация, актуализирующая воспроизводство рисков, в т.ч. в молодежной среде.

Социокультурные риски вызваны распадом ценностной системы, деструкцией групповых культур, деидеологизацией современного поколения россиян. Также, по мнению О.Н. Астафьевой, к социокультурным рискам относятся риски, связанные с глобализацией: «запаздывание» культурного развития, приводящее к информационно-коммуникативному неравенству; превышение объема и роли информационных потоков; утрата базовых характеристик этнических культур и, соответственно, трансформация моделей этнокультурной идентичности; негативная самоорганизация и упущенные возможности в отсутствие культурной политики и др. [Астафьева 2008: 183; Шадже 2014: 303].

Традиции и инновации в контексте социокультурных рисков

Известно, что существуют два типа социокультурных трансформаций: традиционализация и модернизация. Традиционализация — переход от открытости к закрытости или большей закрытости общества путем создания или укрепления тех элементов культуры и социальной структуры, которые полнее обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов по сравнению с возмож-

ной инициативой их действий. Модернизация – переход от закрытости к открытости общества или большей его открытости путем дифференциации и усложнения структуры общества, которая существенно расширяет свободу выбора и ответственность субъектов в соответствии с усложнением личности и возвышением ее потребностей.

Дихотомия традиционализма и модернизма на сегодняшний день является одной из тенденций взаимодействия на различных уровнях: междивизиационном, международном, межкультурном.

Отношение к риску в традиционном обществе складывается негативное, поскольку любой риск связывается с определенным вызовом общественным устоям, нормам, традициям. Иное отношение складывается в обществе, подверженном процессу модернизации.

Традиция в современном социогуманитарном знании приобретает новое осмысление. Существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой традиция понимается как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних «обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом, и традиционные действия и отношения ориентированы не на достижение определенной цели и не на реализацию специально зафиксированной нормы, но на повторение прошлого образа» [Левада 1970: 253]. Изменения в общественном развитии привели к модификации содержания этого понятия. Под традицией стали понимать те фрагменты наследия (материального и духовного), которые «не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним» [Штомпка 1996: 90]. Однако коренные различия в отношении к традиции можно обнаружить с помощью выявления содержания функций традиций. Прежде всего, в традициях сосредоточена мудрость поколений, которые осуществляли отбор бытовавших в прошлом и заслуживающих внимания в настоящем норм, ценностей, идеалов, правил. Традиция – также источник законности, подтверждающий легитимность чего-либо. Она – основание коллективной идентичности, усиливающей чувство «общих корней». Наконец, традиция поддерживает общество в периоды кризиса, смягчает неудачи повседневного существования.

Однако традиции несут в себе и функциональную амбивалентность. Так, традиции могут сдерживать творчество и новации, что влечет за собой стагнацию. Некоторые традиции дисфункциональны в силу своего специфического содержания и могут нести мощный деструктивный потенциал.

Отметим, что в периоды динамичной экспансии и успешного социального развития интерес к традициям ослабевает. В обществе господствует активность, оптимизм, вера в прогресс, науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере возникает антитрадиционализм, меняется отношение к риску. А периоды неустойчивости – стагнации и кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляют традиции, рискованные стратегии становятся неприемлемыми.

По выражению Э. Гидденса, традиции существуют и живут «традиционным способом»: признаются само собой разумеющимися, сохраняют активность на протяжении жизни поколений. Так было и есть в домодернизированных обществах. В век модернизации традиционное – изолированное и контекстуальное – существование наблюдается все реже [Giddens 1999].

Инновация, чаще понимаемая как новшество, нововведение технологического, научно-технического характера, требует социокультурной интерпретации. Это специфический механизм формирования новых моделей, паттернов поведения, технологий, которые становятся предпосылками обновления общества и культуры.

Традиционное общество противопоставляется современному по ряду параметров: форме активности акторов социального действия (коллективизм и индивидуализм), отчетливости социальной структуры (диффузность и дифференциация), способу осмысления реальности (эмоциональность и рациональность), способу взаимодействия вовне (контекстуальность, изолированность и экспансия). В результате поисков философского основания традиционного общества А.С. Ахиезер определил,

что стержневым параметром любого общества является его открытость или закрытость, а расхождения между всеми формами открытости и закрытости определены через ориентацию на прошлое или будущее. С этих позиций традиционное закрытое общество обладает следующими чертами: «оно направлено против инноваций, превышающих некоторый статичный порог. Система отношений этого общества не только результат воспроизводства традиционной программы, но и гарантия их сохранения от источников несанкционированных инноваций». А специфика традиционализма не в отсутствии инноваций, а в господстве ценности статичности, что выражается в «жесткости фильтра новшества, узости шага новизны, подавлении всего, что выходит за допустимые рамки» [Ахиезер 1997: 15].

Бинарность «традиция – инновация» требует преодоления полярности и новой интерпретации через идею диалога. В современной социокультурной ситуации понятие диалога становится ключевым в философско-антропологической, социально-философской, культурологической, педагогической, эстетической концепциях. Преемственность, опора на собственные традиции необходимы для любого общества, желающего обеспечить свою стабильность и идентичность. При таком подходе традиция как параметр порядка становится равноправным участником диалога нового и старого, чем обеспечивает самобытность самого процесса изменения, развития.

Такой взгляд в большей степени приложим к регионам России, прежде всего к полиэтничному Северному Кавказу, где местами практически в первозданном виде сохранились глубинные пласты самобытной культуры, которые сегодня не воспринимаются как нечто уходящее, а напротив, в аспекте духовного обновления несут в себе актуальную духовную нагрузку. Несомненно, идентичность, имеющая основанием традиционный компонент, не может в полном смысле стать критерием современности общества.

Диалогичная, точнее, компромиссная позиция относительно полярности «традиция – современность» высказана Э. Гидденсом. По его мнению, традиции не ушли с модернизацией, а вовлечены в симбиотическую связь с современностью и продолжают жить в самых модернизированных обществах. «Сделка» между традиционностью и современностью произошла в компромиссе между публичной и частной сферами. Социально-политическая (публичная) сфера – демократия, экономика – ушла далеко от традиционности, в приватной сфере – семье, сексуальности – она только усугубилась [Giddens 1999].

Вслед за классиком об этом же рассуждает Э.А. Паин, полагая, что существуют два разных феномена – традиционализм социально-политический и культурный и что есть немало примеров того, как общества чрезвычайно бережно относятся к своему этнокультурному наследию, одновременно демонстрируя высокую склонность к экономической и социально-политической модернизации [Паин 2003: 16]. Культурный традиционализм при таком подходе не только не препятствует развитию модернизационных структур, но и является одним из условий модернизации.

Региональные особенности идентификационных процессов и возможности адаптации к социокультурным рискам

Плодотворное, на наш взгляд, соотнесение традиционности и модернизированной проявляется в идентификации этнических групп. Специфика идентичности как многоуровневого иерархичного образования в рассматриваемом континууме «традиционность – современность» проявляется через сосуществование традиционных субэтнической, этнической (объекты идентификации – род, субэтнос, этнос), региональной и современной национальной (объект идентификации – нация) идентичностей.

Но ряд объективных факторов, таких как нахождение Северо-Кавказского региона в российском государственном пространстве, неумолимая модернизация (индустриализация, урбанизация), вовлечение всех обществ в глобализирующую мировую цивилизацию, не могут оставить населяющие регион народы в их исконном состоянии. Медленно, но достаточно последовательно веяния модернизации трансформируют общества и культуры, регион в целом. Отсчет модерниза-

ции на Северном Кавказе можно начинать с включения региона в государственно-политические отношения с Российским государством, с межэтническими контактами с русским населением, наибольшая интенсивность которых наблюдалась в советские годы. По мнению экспертов, сейчас Северный Кавказ вступил в фазу «стадиальной модернизации, и, прежде всего, бурной урбанизации республик»¹. Однако здесь будет оправданным анализ положения, согласно которому социально-политическая и культурная модернизации не совпадают. Применительно к народам Северного Кавказа и региона в целом можно говорить о том, что социально-политическая модернизация отчетливо прослеживается, в то время как модернизация культуры, хотя и имеет свои проявления, недостаточно очевидна.

Культура в большей степени остается традиционной. Регенерация традиционных социальных институтов, механизмов и связей — это одна из граней активизации этнической идентичности. Связь традиций и этничности на Северном Кавказе вполне естественна, поскольку последняя здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социокультурной системы. Тем не менее конфигурации групповой и индивидуальной идентичностей, а равно и идентификационные процессы выглядят как множественные, многоуровневые, эклектичные, фрагментирующиеся на всех уровнях. Регулярно возникают новые идентификации, в т.ч. постмодернистские, складывающиеся под влиянием нового пространства — виртуального, сетевого [Шадже и др. 2013].

Более того, эксперты обращают внимание, что при кажущейся традиционности и архаичности общественных отношений Северный Кавказ — это один из самых динамичных регионов России. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на динамику современных межэтнических и конфессиональных процессов [Состояние... 2013: 71]. Потенциал риска этих процессов весьма значим.

В свете обозначенных концепций представляется, что северокавказское общество нельзя однозначно определить как традиционное, тем более как модернизационное. Оно существует и саморазвивается в пространстве «традиционность — современность», с разной силой тяготея к тому или иному полюсу своими отдельными секторами. Как мы уже отмечали, устойчивость этнических паттернов традиционной культуры лишь в большей степени усиливает самобытность и динамику процесса осовременивания Северного Кавказа и адаптирует его к социокультурным рискам.

Список литературы

Авксентьев В.А., Лукичев П.Н., Тарасова Т.Т., Суший С.Я., Шульга М.М. 2014. Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации. — *Вестник ЮНЦ РАН*. Т. 10. № 1. С. 90-98.

Астафьева О.Н. 2008. Культурно-цивилизационные грани глобализации. — *Глобализация: учебник* (под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова). М.: Изд-во РАГС.

Аствацатурова М.А. 2012. Российская и гражданская идентичность в современной общественно-политической повестке Северо-Кавказского федерального округа. — *Этнопанорама*. № 3-4. С. 43-47.

Ахиезер А.С. 1997. *Как «открыть» закрытое общество*. М.: Магистр. 40 с.

Левада Ю.А. 1970. Традиция. — *Философская энциклопедия*. Т. 5. М.: Изд-во БСЭ.

Паин Э.А. 2003. *Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России*. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад (под редакцией В.А. Тишкова). 2013. М.: ИЭА РАН; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. 90 с.

¹ Выступление руководителя Центра этнополитических и региональных исследований Эмиля Паина. 2011 г. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/11838> (проверено 10.11.2014).

Шадже А.Ю. 2014. Влияние социокультурных рисков на идентификационные процессы. — *Социально-гуманитарные знания*. № 4. С. 300-309.

Шадже А.Ю., Куква Е.С., Хацац А.А. 2013. Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков. — *European Social Science Journal*. № 5. С. 230-236.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс. 418 с.

Яницкий О.Н. 2014. Модернизация России и региональные проблемы в условиях новых глобальных вызовов и угроз. — *Официальный сайт Института социологии РАН. Блог О. Яницкого*. Доступ: www.isras.ru/blog_yan_68.html (проверено 10.11.2014).

Giddens A. 1999. Lecture 3, 24 Nov. — *The Director's Lecture. Ranaway World: The Peith Lectures revisited*. URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lecture3.shtml> (accessed 10.11.2014).

KUKVA Elena Sergeevna, *Cand.Sci. (Soc.)*, Scientific Secretary of the Research Institute for Complex Problems, Adygea State University (Pervomayskaya str., 208, Majkop, Russia, 385000; kukva@rambler.ru)

THE NORTH CAUCASUS REGION AS A SPACE OF SOCIO-CULTURAL RISKS

Abstract. The article analyzes the social and cultural space in the North Caucasus region. One of the key problems here is the interaction of the traditional and modern transformations. The author examines their relationship through the prism of the socio-cultural risks. Identification processes as a significant component of socio-cultural space of the region are discussed in the context of their adaptive capacities to social risks. One of the visible prospects of overcoming them on the North Caucasus is preservation of dialogue on the basis of the regional and all-Russian values and strengthening of the Russian identity.

Keywords: socio-cultural space, socio-cultural risks, identification processes, North Caucasus

ЭМИРОВ Рашид Маратович — к.полит.н., сотрудник правоохранительных органов (donna@front.ru)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КАВКАЗА И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье дается анализ одного из малоизученных в российской политической науке аспектов проблемы влияния, оказываемого диаспорами северокавказских народов в странах Ближнего Востока на взаимоотношения двух регионов. Обосновывается тезис, согласно которому после распада СССР и двухполюсного миропорядка создались благоприятные условия для восстановления связей диаспор северокавказских народов со своими материнскими этносами на исторической родине. Это свою очередь внесло определенный вклад в развитие связей национальных республик Северного Кавказа с соответствующими странами Ближнего Востока. В качестве наглядного примера, свидетельствующего об обоснованности данного тезиса, приводятся расширение и укрепление связей Чеченской Республики с рядом этих стран.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ближний Восток, народ, диаспора, республика, политика, геополитика, отношения

Кавказ в целом и Ближний Восток представляют собой регионы, которые характеризуются весьма сложным переплетением множества факторов, затрудняющих выявление критериев определения сколько-нибудь четко фиксированных границ конкретной этнонациональной общности. Одна из особенностей этих регионов состоит в том, что они населены множеством народов, принадлежащих к различным этнокультурным и языковым семьям или группам, а также к различным кон-